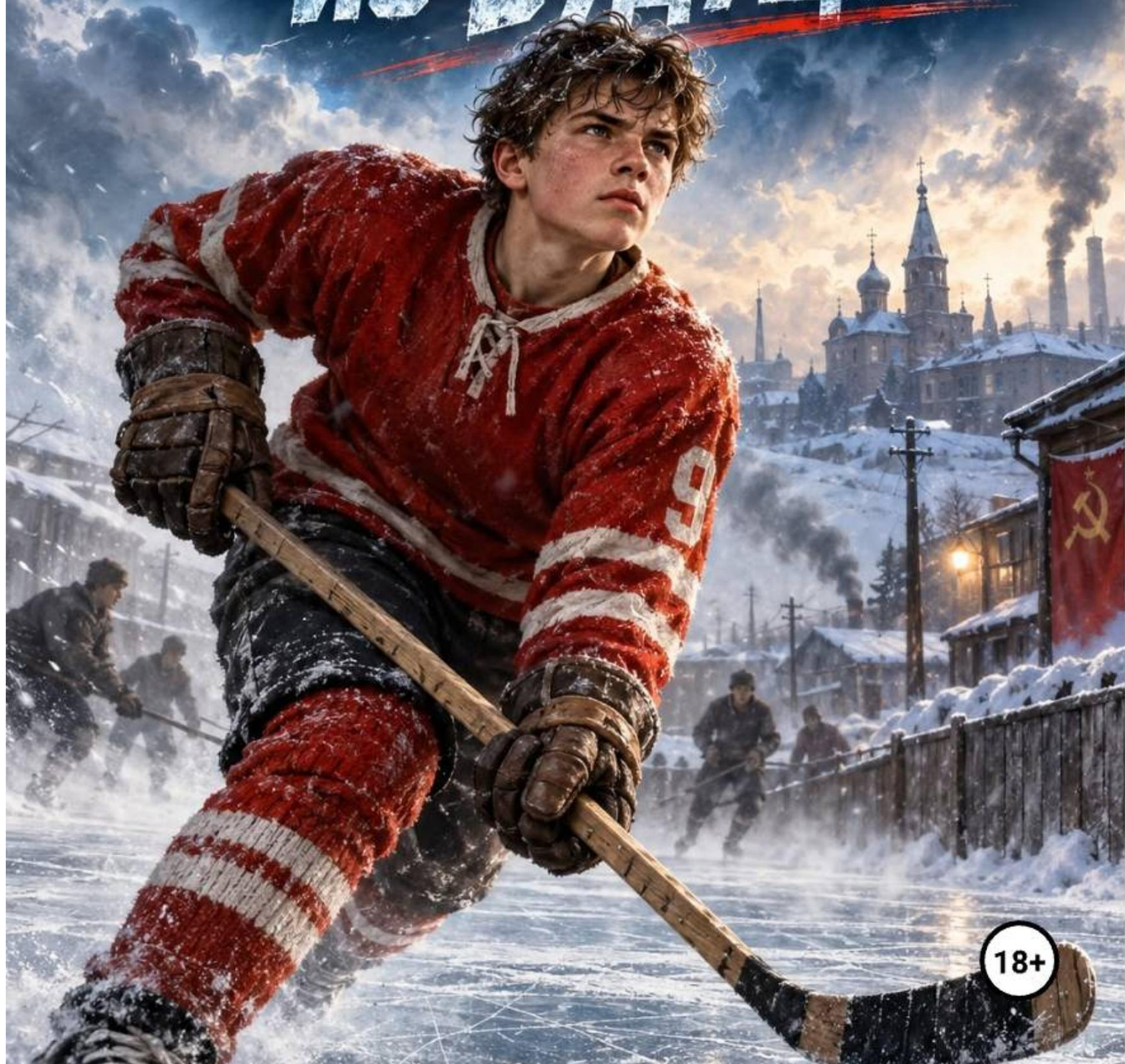

Ярослав Северцев

Запасной из будущего

18+

Ярослав Северцев

Запасной из будущего

«Автор»

2026

Северцев Я.

Запасной из будущего / Я. Северцев — «Автор», 2026

Он был на самой вершине мирового хоккея — тридцатилетний Макс Субботин, звезда НХЛ, лучший бомбардир лиги и без пяти минут обладатель Кубка Стэнли. Но роковой удар на последних секундах решающего матча оборвал его триумф навсегда. Казалось, это конец. Однако судьба решает дать ему второй шанс, швырнув в суровый январь 1976 года. Вот только вместо глянцевого американского стадиона — провинциальный крытый каток, вместо миллионов на счету — пустой холодильник в хрущевке, а вместо идеального тела атлета — хлипкий пятнадцатилетний организм Мишки Соколова. Прежний Мишка — вечный запасной, худший игрок заводской команды «Вымпел», у которого нет ни таланта, ни перспектив. Вдобавок ко всему, дорогу преграждает местная «элита» в лице обнаглевшего сына партийного босса, готового раздавить любого, кто посмеет затмить его на льду.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Северцев

Запасной из будущего

Обращение автора к читателям

Уважаемые читатели!

Перед тем как вы погрузитесь в историю Макса Субботина и Мишки Соколова, я бы хотел сделать небольшое, но важное заявление.

Этот роман является художественным вымыслом. Автор **не преследует цель изменить или переписать реальную историю** нашей страны. Все упомянутые в тексте имена, фамилии, названия спортивных клубов и возможные совпадения с реальными людьми — абсолютно случайны.

Кроме того, хочу подчеркнуть, что я не являюсь профессиональным экспертом в области хоккея или спортивной медицины. Любые технические неточности в описаниях матчей, разборов тактик, тренировочного процесса или специфических хоккейных приемов (таких как особенности кастомизации клюшек или применения финтов) — это исключительно **плод авторского воображения**, призванный сделать повествование более динамичным и кинематографичным.

Главное, что мне хочется сказать: это произведение создано с огромным уважением к нашему прошлому. Автор ни в коем случае **не пытается принизить советскую школу хоккея**, умалить её колоссальную значимость или уменьшить то грандиозное влияние, которое она оказала на мировой спорт. Напротив, автор глубоко убежден, что советская хоккейная школа была, остается и навсегда останется **лучшей в мире**, а люди, ковавшие её славу, — настоящими титанами.

Эта книга — дань уважения великой эпохе, мужеству простых людей, рабочей солидарности и несломленному русскому характеру, который способен побеждать вопреки любым обстоятельствам.

Приятного чтения!

Глава 1. Последний щелчок

Ад за воротником. Оглушительный, утробный гул двадцати тысяч глоток на арене в «ТД-Гарден» давил на череп изнутри, вышибая остатки мыслей. В ушах звенело так, будто туда залили расплавленный свинец.

Пятый период. Второй овертайм седьмого матча финальной серии Кубка Стэнли. Ноги не просто горели — мышцы превратились в пережатый, онемевший кусок резины. Каждое торможение отдавало тупой болью в коленях. Каждый вдох через силу выжигал легкие сухим, морозным, пропитанным чужим потом и аммиаком воздухом ледовой коробки. Белое джерси на груди потемнело от запекшейся крови — в третьем периоде мне сломали нос, но ломаный хрящ вправили прямо на лавке, за секунду, залив ноздри ледокаином.

— Макс, твой выход! Давай! Сделай их! — главный тренер схватил меня за плечо, его пальцы до боли впились в защитный пластик наплечника.

Я перемахнул через борт. Коньки со свистом вонзились в изрезанный, покрытый густой белой крошкой лед. В глазах на мгновение потемнело, но я тряхнул головой. Центрфорвард «Бостона», огромный канадец по прозвищу Мясник, уже стоял на точке вбрасывания в правом круге нашей зоны. Из-под решетки его шлема крупными каплями валил пот, лицо под двухнедельной щетиной шло багровыми пятнами. Он дышал как загнанный лось, но в глазах горело бешеное, звериное желание убивать. Мясник посмотрел на меня, грязно выругался через капу и демонстративно плюнул под мои краги.

Я промолчал. Лишь поправил перчатки и перехватил клюшку. Лучший бомбардир лиги. Пятьдесят две шайбы за регулярку. Мировая звезда. Всё это сейчас — пустой звук. Здесь и сейчас была война, где выживал один.

Судья замер между нами. Черный диск шайбы полыхнул глянцем под светом прожекторов и упал на точку.

Наш крайний нападающий среагировал на долю секунды быстрее. Хруст, яростный треск композитных крюков, удар пластика о пластик. Шайба вылетела назад, к синей линии. Наш защитник не стал придумывать кружева — времени не было. Он просто швырнул ее щелчком по борту, пуская по закруглению глубоко в зону «Бостона».

Я рванул туда. Коньки резали крошку, выдавая максимальный, толчок. Шаг, еще шаг. Всем телом, спиной я чувал, что Мясник уже висит на хвосте. Сто десять килограммов чистой ярости на полной скорости.

Успел. На мгновение раньше затормозил у борта, прижал шайбу крюком, развернул корпус под углом, принимая удар. В ту же секунду Мясник со всего маху впечатал меня спиной в заградительное стекло. Плексиглас затрещал, трибуны за ним взвыли. Удар вышиб из груди остатки кислорода, в левом боку что-то остро хрустнуло — ребро. В глазах поплыли радужные круги. Плевать!

Я устоял на ногах. Лихим, неуловимым движением сделал «улитку», резко развернулся на одном коньке, оставляя канадца за спиной. Шайба послушно заскользила на крюке. Передо мной открылся чистый пятак. Защитник соперника уже бросался под бросок, перекрывая линию телом.

Вратарь «Бостона» распластался в шпагате, намертво закрывая низ ворот. Издевательски узкая щель оставалась только в левой девятке. Сантиметров двадцать, не больше. Ловушка голкипера уже шла вверх.

Замах делать некогда. Короткое, взрывное кистевое движение, в которое я вложил вообще всё, что накопил за тридцать лет жизни.

Клац!

Флекс клюшки сработал как пружина. Шайба пулей сорвалась с пера и вонзилась точно под перекладину, с мясом сдернув пластиковую бутылку с водой, стоявшую на сетке ворот.

Сетка вздулась. Красные фонари за стеклом вспыхнули яростным, победным неонем. Судейская сирена взвыла, объявляя конец этого затяжного ада. Мы выиграли. Кубок Стэнли наш.

Я успел вскинуть руки вверх в победном жесте, краги полетели на лед. Но отпраздновать мне не дали.

Мясник, потерявший от поражения остатки разума, летел на меня сзади. Тормозить он даже не думал. Канадец прыгнул, выставив вперед локоть, и с размаху врубил мне в затылок. Мой шлем, ремешок которого расстегнулся еще во время стычки у борта, слетел и со звоном покатился по льду.

— Ах ты сука! — взревел я, разворачиваясь. Чужая крага уже прилетела мне в челюсть, во рту разлился солоноватый, горячий вкус.

Я схватил его за грудки, пальцы намертво вцепились в чужой свитер. Мы начали молотить друг друга без пощады. Очередной удар канадца пришелся в скулу, голова мотнулась. Я ответил коротким, жестким апперкотом снизу, разбивая его нос в кашу. Судьи пытались вклиниться между нами, но Мясник, подмяв под себя одного из арбитров, рванул меня на себя, делая подножку.

Координация подвела. Ноги поехали по изрезанному льду. Мы начали падать вместе, сцепившись в глухой клубок. Но инерция швырнула меня сильнее. Мое незащищенное темя и правый висок на огромной скорости летели прямо на лед, туда, где у основания стоял тяжелый, намертво вмороженный в лед металлический каркас ворот.

Хруст.

Звук лопнувшей кости прозвучал отчетливо, прямо внутри моей головы. Острый край штанги встретил висок. Боли не было. Был дикий, ослепляющий вспыхнувший свет, который за долю секунды окрасился в глубокий, багрово-алый цвет. А затем навалилась мгновенная, абсолютная тишина. Отрезало всё: безумный рев двадцатитысячной арены, вой победной сирены, маты канадца и тяжелое дыхание судей.

Я упал на лед, и мир вокруг меня погас навсегда. Я умер чемпионом.

— Вставай, корова! Вставай, Соколик, хорош лед полировать! Палыч сейчас сожрет!

Звук пришел раньше зрения. Голос был тонкий, ломающийся, подростковый. И пахло... пахло не дорогим пластиком и парфюмом, а дешевой хлоркой, гнилым деревом и застарелым потом от сырых шерстяных свитеров.

Я открыл глаза и закашлялся. Над головой висел серый, покрытый потеками бетонный потолок старого катка. Рядом стоял пацан лет четырнадцати в огромном, потрескавшемся шлеме «Сальво» без визора. Из-под пластика торчали сальные патлы. Он тыкал в меня допотопной деревянной клюшкой с обмотанным черной изолентой крюком.

— Ты чё, Сокол? Совсем одурел? Князь тебя просто корпусом прижал, а ты разлегся. Кончай позориться, вылетим из секции к чертям!

Я попытался опереться на руку, чтобы встать, и обомлел. Мои запястья. Они были тонкими, как ветки. На мне был тяжеленный, пахнувший псиной свитер с нарисованной от руки краской цифрой «9» и коньки «Ботас» — жесткие, неудобные кожаные колодки, которые безбожно давили щиколотки.

— Соколов! — рявкнул от бортика мужчина в потертом синем спортивном костюме с тремя полосками и меховой формованной шапке. — Если еще раз увижу, что ты спишь на синей линии, пойдешь снег у коробки чистить! До конца зимы! В запас, живо!

Я встал на подкашивающихся ногах. Тело не слушалось. Рост — едва метр, веса — килограмм под шестьдесят. Центр тяжести смещен, мышцы пустые, координация нулевая. Кое-как доковылял до деревянной лавки, сел, тяжело дыша.

На бревенчатой стене каптерки висел плакат. Со стены строго смотрел молодой Леонид Брежнев. Чуть ниже красовался отрывной календарь.

«12 января 1976 года».

Я закрыл лицо грязными крагами из грубой кожи. Это был не Бостон. И я больше не Макс Субботин, миллионер и звезда НХЛ. Я был Мишкой Соколовым, худшим игроком провинциального «Вымпела». Вечным запасным, который еле держится на коньках.

В голове шумело, чужие воспоминания хлынули мутным потоком: пьющий отец-заводчанин, вечные крики тренера, страх облажаться перед пацанами и полное отсутствие таланта у прежнего хозяина этого хлипкого тела.

Рядом проехал Князь — Толя Князев, местная звезда и сын партийного босса. Он при тормозил, обдав меня ледяной крошкой из-под лезвий, сплюнул на доски и процедил:

— На лед выползешь — ноги переломаяю, придурок. Сиди на банке.

Я медленно поднял голову. Внутри меня, под этой чужой, слабой подростковой кожей, ворочался опыт сотен матчей на высшем уровне. Ярость лучшего бомбардира мира, которого только что лишили заслуженного кубка, требовала выхода.

Я сжал деревянный черенок старой клюшки «Эфси» так, что затрещали суставы.

«Ну уж нет, Князь. Посмотрим, кто из нас останется на банке».

Глава 2. Запах аммиака и махорки

Дорога до дома превратилась в пытку. Новое, хлипкое тело Мишки Соколова ныло каждой костью. Колени подкашивались, а затылок, куда пришелся удар на тренировке, пульсировал тупой, вязкой болью. Настоящего сотрясения вроде не было, но мозг плавился от перегрузки. В черепной коробке намертво сцепились две жизни: тридцать лет глянцевого американского хоккея, рева многотысячных стадионов, перелетов первым классом и пятнадцать лет унылого, серого существования забитого советского пацана из глубинки.

Я шел, волоча за собой тяжелый брезентовый баул. Внутри гроыхали допотопные щитки из конского волоса и прессованного картона. Кожаные коньки «Ботас», связанные шнурками, висели на плече, больно набивая синяк через тонкое драповое пальто. На дворе стоял глухой январский вечер 1976 года.

Провинциальный городок утопал в сугробах. Фонари горели тусклым, желтым светом, едва пробивая морозную изморось. Под ногами скрипел чистый, не знавший лужковских реагентов снег. Мимо, гроыхая железными бортами, проехал округлый пазик, обдав меня удушливым шлейфом солярочного выхлопа. Пахло печным дымом, сыростью и дешевым табаком. Никакой неоновой рекламы. Никаких айфонов, мерседесов и ярких вывесок супермаркетов. Только серые пятиэтажки-панельки с одинаковыми светящимися окнами и бесконечные деревянные заборы частного сектора.

«Я в каменном веке», — мысль обожгла изнутри, заставив остановиться. Я посмотрел на свои руки в дырявых шерстяных варежках. Пальцы тонкие, кожа бледная. Ни мозолей от профессионального хвата клюшки, ни шрамов от чужих коньков. Хлипкий, недокормленный подросток. Запасной. Мусор, который Палыч держит в секции только ради выполнения плана по массовости.

Я с трудом дотащил баул до облупленной зеленой двери трехэтажного сталинского дома. Подъезд встретил меня густым, концентрированным запахом квашеной капусты, хлорки и махорки. Родные запахи прежнего Мишки, от которых у меня — Макса Субботина — сперло дыхание.

Поднялся на второй этаж. Дверь квартиры №12 была оббита потрескавшимся дерматином с торчащей из углов пожелтевшей ватой. Ключ в кармане нашелся на ощупь — плоский, тяжелый, советский. Замок поддался с натужным скрежетом.

— Явился, хоккеист хренов, — вместо приветствия донеслось из глубины коридора.

В узкую прихожую, едва освещенную слабой сороковаттной лампочкой, вышел мужчина. Отец Мишки, Петр Соколов. Крупный, грузный, с багровым от постоянного посещения заводской чебуречной лицом. На нем была серая застиранная майка-алкоголичка и треники с вытянутыми коленями. От него разило перегаром и дешевым пивом «Жигулевское». Настоящий гегемон, слесарь четвертого разряда на местном машзаводе.

Он окинул меня мутным, тяжелым взглядом, сплюнул под ноги на потрескавшийся линолеум и буркнул:

— Опять баул свой притащил? Слышал я, Князев-старший говорил, что тебя из секции попрут. И поделом. Хватит лед штанами протирать. На завод пора, в ПТУ, делом заниматься, а не в игрушки играть. Иди жрать, мать суп сварила.

Он развернулся и ушел в комнату, где хрипел старый телевизор «Рекорд», транслируя какую-то занудную передачу про передовиков производства.

Я остался стоять в коридоре. Внутри закипала привычная, злая спортивная ярость. Этот человек, чужой мне по духу, сейчас хоронил карьеру, которую я еще даже не начал строить в этом теле. В НХЛ меня учили одному: если тебя прижали к борту, бей локтем в челюсть и забирай шайбу. Здесь кулаками махать было рано. Тело Мишки просто не выдержит ответного удара работяги-отца.

Я молча скинул пальто, разулся и прошел на кухню. На плите в эмалированной кастрюле остывали жидкие щи с редкими кусками жирной свинины. Рядом на столе лежала половина буханки черного хлеба, серая соль в спичечной коробке и стакан мутного чая.

Я сел на табуретку, взял алюминиевую ложку и принялся есть. Еда казалась безвкусной, пустой. Мышцы требовали чистого белка, углеводов, витаминов — всего того, на чем строится подготовка современного атлета. В 1976 году про протеиновые коктейли, изоляты и гейнеры никто даже не слышал. Советская спортивная медицина, конечно, существовала, но до нашей глубинки она доходила в виде витамина С и рыбьего жира в темных бутылках.

«Ладно, — думал я, механически жуя жесткое мясо. — Разберемся. Прорвемся. База у этого тела есть — парень бегал, хоть как-то тренировался. Сердце не посажено энергетиками и кальянами. Легкие чистые. Главная проблема — нервно-мышечная связь и полное отсутствие координации».

Я доел, помыл за собой тарелку и ушел в маленькую комнатку Мишки. Здесь стояла железная кровать с панцирной сеткой, колченогий стол, заваленный школьными учебниками за девятый класс, и пара гантелей по два килограмма. На стене скотчем был приклеен вырезанный из журнала «Огонек» портрет Валерия Харламова. Великий 17-й номер. Прямо сейчас он — бог советского хоккея. А я — никто.

Я лег на кровать. Панцирная сетка жалобно прогнулась почти до пола.

Закрыв глаза и начал пошагово анализировать свои возможности. Мышечную память взрослого Макса Субботина нельзя было просто так скопировать в этот хлипкий подростковый каркас. Если я завтра попробую исполнить свой фирменный канадский дриблинг на бешеной скорости, связки Мишки просто лопнут, а колени вылетят из суставов.

Нужен был четкий, скрытный план. Телу требовалась глубокая, системная перестройка.

«Начнем с базы, — засыпая, планировал я. — Плиометрика. Взрывная сила ног. На тренировках у Палыча я буду делать то, что он просит, чтобы не злить мужика. Но по ночам или рано утром... На озере за парком лед идеальный, его никто не чистит, там никого нет. Буду ставить канадский шаг. Развивать голеностоп. Переучивать мышцы. Питание: творог, яйца, мед, если найду. Никакого сахара и теста. Надо выжать из этого дефицитного советского быта максимум».

Где-то за стеной отец громко захрапел под бубнеж телевизора. Я повернулся на бок, чувствуя, как затылок наливается тяжестью.

Я вернусь на лед. Не ради Кубка Стэнли — его в этом времени еще нет для советских игроков. Я вернусь, чтобы доказать этому заснеженному, застрявшему в прошлом миру, что такое настоящий, тотальный хоккей будущего. И Князь будет первым, кто взвизгнет от бессилия на этой коробке.

Спи, Мишка. Завтра начинается твоя первая настоящая тренировка.

Глава 3. Чужой лед

Утренний мороз обжигал легкие. Ровно в шесть утра я уже стоял у входа на стадион «Машиностроитель». Настоящий мастер спорта и звезда НХЛ внутри меня прекрасно знал: талант — это лишь десять процентов успеха, остальное — пахота. И если новое тело Мишки Соколова отставало физически, брать придется объемом работы.

Дверь каптерки открылась с натужным скрипом. Палыч — наш тренер, Николай Павлович — уже был на месте. Он сидел в тесной, прокуренной комнатке, пахнувшей гуталином и дешевым чаем, и точил коньки на допотопном станке. Искры летели во все стороны, освещая его хмурое, изрезанное морщинами лицо. Мужик он был правильный — из тех фронтовиков, кто поднимал послевоенный спорт. Суровый, но преданный делу до мозга костей. Наша советская система на таких одиночках в провинции и держалась.

— А, Соколов, — Палыч даже не повернул головы, продолжая прижимать лезвие к кругу. — Чего приперся спозаранку? Основная тренировка в четыре дня.

— Николай Павлович, разрешите на льду дополнительно поработать? До школы успею, — я постарался, чтобы голос звучал твердо, без подросткового лепета.

Тренер на секунду остановил станок. Посмотрел на меня из-под густых седых бровей. Перевел взгляд на мой брезентовый баул.

— Ишь ты, проснулся, — буркнул он, но в глазах мелькнуло удивление. — Ладно, ключи от сарая с инвентарем возьми. Только лед не порти, у нас заливщиков не допросишься. И коньки свои проверь, они у тебя тупые как валенки.

В сарае я вытащил свое «богатство». Форма Мишки — это отдельная пехотная драма. Тяжелые кожаные коньки «Ботас» с мягким задником, который вообще не держал голеностоп по современным меркам. Щитки из прессованного картона, набитые конским волосом — после пяти минут на льду они намокали и весили по два килограмма каждый. Трусы — тяжелые, брезентовые, с тонкими ватиновыми прокладками. Никакого углепластика, никакого титана и анатомической пены.

Но самым большим испытанием была клюшка. Прямая деревянная «Эфси» без малейшего намека на загиб крюка. Тяжелая, как весло от лодки.

«Ничего, — успокоил я себя, затягивая шнурки обычной бечевой. — Наша русская школа всегда учила: если умеешь играть деревянным бревном, то с композитом в руках будешь богом. На этих тяжестях наши мужики в Суперсерии-72 канадцев и ломали».

Я вышел на пустую коробку. Над бортом вставало холодное зимнее солнце. Тишина, только пар идет изо рта.

Коньки резали чистый лед. Я сделал первый круг. Тело слушалось плохо, голеностоп заваливался внутрь. Нога парня не привыкла к правильному толчку. Советский детско-юношеский хоккей в глубинке часто страдал от нехватки индивидуальной работы — всех учили бегать строем, «по рельсам».

Я начал с базы, которой меня учили еще в детстве в СДЮШОР, а потом доводили до автоматизма за океаном. Короткий шаг. Скольжение на одном коньке. Я садился максимально низко, сгибая колени под прямым углом, заставляя квадрицепсы Мишки гореть от непривычной нагрузки. Корпус прямой, руки свободны.

Скрип-скрип-скрип — разносилось над пустой коробкой.

Потом я перешел к канадским тактическим элементам, которых в 1976 году здесь еще никто не знал — «улиткам» с резким торможением внутренним ребром конька и мгновенным взрывом в обратную сторону. Новое тело тут же взбунтовалось: левое колено прострелило острой болью, я не удержал равновесие и с размаху влетел боком в деревянный борт.

Удар вышел жестким. Из груди вышибло воздух. Я растянулся на снежной крошке, тяжело дыша.

«Рано, Макс, рано, — зло сплюнул я, растирая ушибленное бедро. — Голова соображает, а мышцы не успевают. Физику надо подтягивать. Силу связок».

Я поднялся, подобрал клюшку и бросил на лед старую, тяжелую литую шайбу из дубовой черной резины. Попробовал сделать бросок с ходу. Клюшка без загиба не позволяла поднять шайбу верхом так, как я привык. Она упорно летела низом, глухо стуча о деревянный щит ворот.

Тогда я вспомнил уроки своего первого тренера в России: «Если клюшка прямая, работай кистями! Закрывай крюк в конце движения!».

Я скорректировал хват. Левая рука пошла чуть ниже, правая жестко зафиксировала черенок. Разбег, обманное движение корпусом, короткий, сухой щелчок кистями...

Бам!

Шайба со свистом взмыла вверх и вонзилась точно в правый верхний угол, заставив натянутую за воротами металлическую сетку-рабицу звонко запеть.

— Ого, — раздался тихий голос от бортика.

Я обернулся. У входа на лавку стоял Серый — Серега Воронин, незаметный защитник-разрушитель из нашей второй пятерки. Простой парень из рабочей семьи, работающего на льду, которого Палыч ценил за исполнительность, но звездой никогда не считал. Серый стоял с баулом, уставившись на ворота.

— Сокол, ты как так кистями довернул? — Серый подошел ближе, его коньки заскрипели по льду. — Шайба же прямая шла, а улетела под планку. Научи, а?

Я посмотрел на его простые, открытые глаза. В этот момент я понял: вот он, мой первый кирпичик в будущей команде. Свои пацаны, русские характеры, на которых всегда держалась наша сборная.

— Давай, Серый, — я перехватил клюшку удобнее. — Становись рядом. Показываю один раз. Сила не в замахе, сила в кистевом дожиме. Смотри на мои руки...

До начала уроков в школе мы успели выпустить по воротам сотню шайб. Мои руки ныли, но внутри росло глухое, сытое удовлетворение. Процесс пошел. Тело Мишки Соколова начало вспоминать, что такое настоящий хоккей.

Глава 4. Внутренний враг

Дневная тренировка началась ровно в шестнадцать ноль-ноль. К этому времени мороз усилился, а над коробкой «Машиностроителя» зажглись четыре угловые мачты с тусклыми прожекторами, швырявшими на лед длинные, резкие тени. Кровь в моих жилах уже разогрелась после утренней пахоты, но тело Мишки все еще отзывалось тяжелой сытостью в мышцах.

Раздевалка гудела. Пахло свежим канифольным дымом, гуталином и влажной шерстью. Пацаны матерились, затыкая коньки, спорили о вчерашнем матче высшей лиги между ЦСКА и «Спартак». На меня особо никто не обращал внимания — вечный запасной, невидимка. Только Серый, сидевший в углу на деревянном ящике из-под снарядов (их использовали вместо лавок), понимающе кивнул мне, натягивая на щитки рваные синие гетры.

Дверь с грохотом распахнулась, впуская клуб морозного пара и Князя. Толя Князев зашел по-хозяйски. На нем была не чета нашим обноскам — новенький, пахнущий свежей краской канадский шлем «Соорег» со съёмным прозрачным визором, привезенный отцом-номенклатурщиком из Москвы, и шикарные чехословацкие коньки «Fasan». В руках он держал мечту любого советского пацана — литую клюшку «Коно» с фабричным загибом крюка.

Князь обвел раздевалку ленивым, сытым взглядом первой звезды, задержавшись на мне.

— О, гляди-ка, Соколик живой, — ухмыльнулся он, швыряя свой чистый баул на лавку, потеснив какого-то первогодка. — Чего, синяк на затылке прошел? Смотри, сегодня двусторонка, под ногами не путайся, а то опять штангу поцелуешь.

Пацаны из первой тройки подобострастно заржали. Я даже бровью не повел. Молча завязал последнюю бечеву на коньке, встал и пошел к выходу. В НХЛ таких «мажоров» ломали на первой же предсезонке — жестко, без злобы, просто вбивая в борт чистым силовым приемом, чтобы спесь сбить. Но здесь нужно было действовать тоньше. Школа отечественного хоккея, которую я прошел в юности, учила: авторитет доказывают не языком в раздевалке, а результатом на табло.

— Так, оболтусы, разбились по тройкам! — зычный голос Палыча перекрыл гул. Тренер стоял у бортика, держа в руке старый хромированный секундомер на кожаном шнурке. — Первая тройка — Князев, челночный бег с ходу. Вторая тройка — на перепас. Соколов, Воронин — в третью, на удержание зоны. Шевелись!

Началась рутина. Мы гоняли шайбу по кругу, отрабатывая классические тарасовские «веера». И тут я начал замечать, как меняется мое восприятие. Тело Мишки еще не успевало за

мыслями, но глаза... Глаза тридцатилетнего мастера спорта видели лед на три секунды вперед. Я читал траектории защитников как раскрытую книгу. В советском хоккее семидесятых играли в строго позиционный, академичный пас. Никто не ждал от запасного резких смещений.

В середине тренировки Палыч свистнул:

— Двусторонка! Первые против вторых. Пятнадцать минут без остановок. Князь, твой вброс.

Я оказался на льду в составе второй, «черновой» пятерки вместе с Серым. Против нас выкатилась элита — сытые, сыгранные пацаны Князя.

Толя выиграл вбрасывание, легко подцепив шайбу своей хваленной «Кохо», и покатился вперед, закладывая широкий, пижонский вираж. Он шел на полной скорости, уверенный, что наша защита расступится, как обычно. Серый дернулся было вперед, но я придержал его клюшкой:

— Стой в позиции. Накатывайся углом. Я закрою центр.

Князь пошел в обводку, намереваясь проскочить между нами. В прошлый раз Мишка Соколов от такого финта просто улетел бы в сугроб за бортом. Но я за секунду прочитал его замах. Князь слишком сильно наклонил корпус влево, собираясь уйти вправо — классическая ошибка молодых игроков, у которых нет жесткого контроля центра тяжести.

Вместо того чтобы пятиться, я резко сделал шаг навстречу. Короткий, взрывной толчок внутренним ребром конька, которому я учился утром.

Бам!

Я не стал бить его локтем или ломать клюшкой — за такое Палыч сразу выгонит. Я просто грамотно вкатился «в тело», поймав Князя на противоход, и жестко встретил плечом в плечевой сустав, одновременно заблокировав его клюшку своей прямой деревянной «Эфси».

Сила удара вышла приличной. Сто килограммов опыта против семидесяти килограммов подростковой наглости.

Князь охнул, потерял равновесие и кубарем полетел на лед, потеряв свою дорогую клюшку. Шайба осталась у меня. Я даже не посмотрел на него — развернулся на пятках, отдал четкий, звенящий пас низом через две линии прямо на ход Серому и рванул на пятак, уводя за собой защитника.

— Гол! — заорал Серый, с ходу вогнав шайбу в ближний угол ворот.

На коробке повисла мертвая тишина. Было слышно только, как гудят прожектора и тяжело дышит Князь, поднимаясь со льда. Лицо у него было белое от ярости, шлем съехал набок, а на подбородке красовалась красная царапина от ремешка.

Палыч у бортика медленно опустил секундомер. Его глаза за стеклами старых очков округлились. Он посмотрел на меня так, словно у вечного запасного Соколова внезапно выросли крылья.

— Это... это что сейчас было, Соколов? — тихо, но отчетливо спросил тренер, шагнув на лед. — Где ты такую встречу подсмотрел? Это же чистый силовой прием, по учебнику... Кто тебя учил корпус так ставить?

Князь, тяжело дыша, подлетел ко мне, тыча крагой в грудь:

— Ты чё, страх потерял, придурок?! Подножка была! Палыч, он мне чуть плечо не выбил! Скотина нищая!

Я медленно перехватил его руку, аккуратно, но с такой взрослой, стальной силой сжал его запястье, что Князь осекся и поморщился.

— Чистый лед, Толя, — спокойно, без капли страха сказал я, глядя ему прямо в глаза под визором. — Учись голову поднимать, когда в зонуходишь. В хоккее еще и защитники бывают.

Палыч внимательно смотрел на нас двоих. Назревал грандиозный скандал, ведь отец Князя мог стереть нашу секцию в порошок одним звонком в горком. Но Палыч был мужиком старой закалки. Он резко свистнул, прерывая конфликт.

— Князев, рот закрой! Прием был чистый, в плечо. Сам виноват — расслабился, как на прогулке в парке. А вот ты, Соколов... — тренер прищурился, разглядывая мою потертую форму. — Ты после тренировки зайди ко мне в каптерку. Разговор есть.

Князь зло сплюнул на лед, зыркнул на меня волком и покатился к скамейке. Первые искры полетели. Война внутри команды была объявлена, и отступить мне было некуда.

Глава 5. Ночной дозор

В каптерке Палыча густо пахло махоркой, крепким чаем и влажной кожей. На электроплитке с открытой спиралью шумел старый эмалированный чайник. Тренер сидел за столом, заваленным рапортовыми тетрадами, и молча разглядывал меня через толстые стекла очков.

— Садись, Соколов, — он кивнул на колченогий табурет. — Чай будешь?

— Спасибо, Николай Павлович, обойдусь, — я сел, держа баул на коленях.

Палыч откинулся на спинку стула, потер натруженную переносицу.

— Рассказывай. Где нахватался? Тот силовой — это не наша школа. У нас так жестко в тело на уровне юношей не ходят, берегут пацанов. А ты встретил Князя как канадский профессионал. Четко, в момент переноса веса. И кистевой твой утренний... Серый мне все уши прожужжал в раздевалке. Откуда?

Внутри меня включился холодный расчет. Советскому тренеру в 1976 году нельзя было говорить про НХЛ, Кубок Стэнли и XXI век — закроют в дурку, и прощай лед. Нужна была легенда, бьющая по струнам души старого фронтовика.

— Отец тетради старые привез, — соврал я, не моргнув и глазом. — От дядьки покойного остались. Тот в пятидесятых в Москве играл, еще при ВВС, когда футбол с хоккеем совмещали. Там зарисовки были, схемы канадские, разбор их Суперсерии-72. Я летом на земле упражнения делал. На координацию, на кисти. Каждый день по три часа свинцовую шайбу о стену машинозавода бросал.

Палыч долго молчал. Внимательно всматривался в мое лицо, пытаясь поймать на лжи. Но у меня за плечами были сотни послематчевых интервью с дотошными канадскими журналистами, лицо я держать умел.

— Тетрадки, говоришь... — протянул тренер, переведя взгляд на закипающий чайник. — Ладно. Допустим. Но запомни, Соколов: Князев-старший — человек тяжелый. Сын у него — свет в оконце. Если ты Только на лед еще раз так приземлишь, его папаша меня сожрет вместе с секцией. Но... — Палыч вдруг хитро прищурился, и в его глазах блеснул чисто спортивный, азартный огонек. — Сыграл ты красиво. Завтра на двусторонке поставлю тебя в центр третьей тройки. Посмотрим, система это у тебя или случайность. Свободен.

Я вышел со стадиона, когда город уже окончательно уснул. Дома отец снова спал под хрип телевизора, мать тихо шуршала на кухне. Быстро поужинав остатками каши, я прилег на два часа, поставив старый механический будильник под подушку, чтобы не разбудить домашних.

В полночь будильник глухо звякнул. Я мгновенно открыл глаза. Профессиональная привычка — вставать по первому требованию организма.

Через десять минут я уже пробирался через дыру в заборе городского парка. За парком раскинулось старое Лебяжье озеро. Лед здесь был дикий, не зализанный машинами, покрытый тонким слоем пухляка. Но для моих целей — идеальный. Никаких лишних глаз. Никакого Князя с его связями. Только я, мороз под минус двадцать и тяжелое деревянное весло в руках.

Я расчистил фанерной лопатой, спрятанной днем в кустах, небольшую площадку — метров десять на десять. Достал из кармана пальто три старые литые шайбы и разложил на льду в ряд три обычные сосновые шишки вместо фишек.

«Ну что, Мишка, — подумал я, затягивая коньки на лютom морозе. — Пора делать из тебя машину».

Я начал с дриблинга. Канадский дриблинг кардинально отличался от советского. В СССР игроков учили вести шайбу широкими, размашистыми движениями рук, перекладывая корпус из стороны в сторону — так называемый «русский веер». Это было красиво, но требовало много пространства. За океаном, на маленьких площадках, играли иначе: короткие, взрывные, почти незаметные движения одними кистями. Шайба буквально прилипала к крюку, пока корпус оставался неподвижным.

Ток-ток-ток-ток — глухо разносился стук дерева о лед в ночной тишине.

Сначала шайба срывалась. Прямой крюк «Эфси» не прощал ошибок. Пальцы Мишки быстро немели от холода через тонкие шерстяные перчатки. Но я заставлял себя крутить кистями снова и снова. Вокруг шишек, восьмерками, спиной вперед.

Затем я перешел к плиометрике — взрывным прыжкам с конька на конек на ограниченном пространстве. Это развивало те самые мелкие мышцы-стабилизаторы голеностопа, которых так не хватало хлипкому подростковому телу. Ноги наливались свинцом, легкие хрипели, выплевывая густые клубы белого пара. Каждый вдох отзывался болью в груди, но я не останавливался. В НХЛ меня научили: когда тебе кажется, что ты умираешь, это значит, что тренировка только началась.

Спустя два часа изнурительной пахоты я попробовал исполнить то, ради чего пришел — скрытый канадский бросок из-под защитника. В этот момент игрок не делает глубокого замаха, а использует прогиб черенка клюшки, бросая в противоход движению конька.

Я разогнался, заложил крутой вираж вокруг шишки, имитируя обводку, и в момент, когда правая нога только коснулась льда, резко повернул кисти.

Хрясь!

Старая деревянная «Эфси» издала жалобный, сухой треск. Черенок не выдержал чудовищного кистевого давления взрослого мастера и лопнул ровно посередине. Черная литая шайба улетела в темноту, скрывшись в сугробах на берегу.

Я замер посреди ночного озера, держа в руках обломок своей единственной клюшки. Передо мной встала суровая стена советского дефицита 1976 года. Завтра тренировка. Палыч обещал поставить меня в центр третьей тройки. А у меня нет инвентаря. Новая клюшка в спорттоварах стоила три рубля пятьдесят копеек — огромные деньги для Мишки Соколова, у которого в кармане звенели только тридцать копеек на школьные обеды. А просить у отца — значит гарантированно получить пустой бутылкой по голове.

Я посмотрел на обломок в руке, и на моем лице появилась злая, упрямая ухмылка.

«Ничего. Русская школа хоккея учит не только играть, но и выживать. Из этой щепки я сделаю такое оружие, от которого у всей нашей лиги глаза на лоб полезут».

Глава 6. Анатомия отставания

Остаток ночи я почти не спал. Вернувшись домой, засунул обломки клюшки под кровать и до утра крутился на скрипучей панцирной сетке, высчитывая в уме калории и граммы. Растущему телу Мишки Соколова, которое я теперь сознательно насиловал взрослыми нагрузками, требовалось качественное топливо. В НХЛ за моим рационом следила целая лаборатория: протеиновые коктейли, аминокислоты, выверенные порции сложных углеводов. В январе 1976 года моим рационом заведовала уставшая мать и пустой холодильник «Орск-7».

В семь утра на кухне я провел ревизию. Половина пачки серого маргарина, банка кабачковой икры, три сморщенные луковицы и сиротливый бумажный треугольник с молоком жир-

ностью три и два процента. Белка — ноль. Спортивное питание по-советски нужно было изобретать на ходу из того, что давала обычная розница.

«Так, — думал я, собирая учебники в дерматиновый портфель. — Нам нужен чистый белок. Творог в магазине «Молоко» стоит чуть больше рубля за килограмм. Плюс яйца — девять копеек за десяток. Если столоваться на тридцать копеек, которые мать дает на школу, я протяну ноги».

По дороге в школу я заглянул за Серым. Наш защитник жил в соседнем бараке. Он вышел на крыльцо, кутаясь в потрепанный шарф, и сразу заметил, что из моего портфеля не торчит привычный черенок «Эфси».

— Сокол, а клюшка где? Сломал, что ли? — вытаращился он.

— Ночью на озере переусердствовал, — глухо отозвался я, когда мы двинулись по хрустящему насту мимо серых сугробов. — На замахе пошла трещина. Серый, у тебя в гараже или у отца эпоксидный клей есть? И стеклоткани кусок?

Сергея оживился, шмыгнул носом:

— Эпоксидка есть, батя карбюратор клеил. И стеклоткань найдем, он с завода притаскивал трубы изолировать. А зачем? Выкинуть же проще, Палыч новую выдаст. Ну, как новую... бэушную от старшаков.

— От старшаков такое же полено прилетит, — отрезал я. — Мне нужен инструмент. Вечером после уроков идем к тебе в гараж. Будем делать вещь, которой в этой области еще никто не видел.

Учебный день пролетел как в тумане. На уроках истории и физики я сидел на задней парте, полностью отключившись от школьной программы девятого класса. Память тридцатилетнего мужика легко подкидывала ответы, когда учителя пытались меня подловить, но все мои мысли занимал предстоящий ремонт.

Сразу после звонка мы с Серым закрылись в его холодном бревенчатом гараже, где пахло бензином и консервационной смазкой. На верстаке, под тусклой лампочкой, я разложил обломки. Черенок лопнул по косой — идеальный излом для склейки.

— Смотри сюда, Серый, — я взял ножовочное полотно. — Сначала зачищаем стык. Потом разводим эпоксидку, пропитываем стеклоткань и наматываем в три слоя с натягом. Будет крепче, чем заводская. Но главное не это. Главное — крюк.

Я взял обычную паяльную лампу, стоявшую на полке. Воронин удивленно замер:

— Ты чё, сжечь ее хочешь?

— Греть буду, — ухмыльнулся я. — Наша русская школа всегда славилась смекалкой, но до этого метода в глубинке еще не додумались. На заводах клюшки прессуют прямыми. А канадцы крюк гнут. Загиб позволяет шайбу контролировать, как привязанную, и поднимать под перекладину без замаха, одними кистями.

Я аккуратно разжег лампу. Синее пламя с шумом вырвалось из сопла. Я начал водить огнем по деревянному перу «Эфси», внимательно следя, чтобы древесина не обуглилась, а лишь прогрелась насквозь, отдавая внутреннюю влагу. Волокна размякли.

Когда дерево дошло до нужной кондиции, я зажал крюк между массивными стальными губками верстачных тисков и нажал на черенок, формируя плавный, аккуратный загиб «винтом» — примерно на полдюйма, с легким открытием пера кверху. Точно такой, каким я играл в своем лучшем сезоне в НХЛ.

— Елки-палки... — прошептал Серый, глядя как прямое советское полено превращается в изящное оружие. — Она же теперь как... как заграничная. Как у чехов на чемпионате мира!

— Лучше, Серый. Она под мою руку сделана, — я затянул тиски до упора. — Теперь обматываем стык стеклотканью с клеем и оставляем у печки до завтра. К дневной двусторонке высохнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.